

УДК 343.1
ББК 67.410.2

И.В. Смолькова
*доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

М.С. Дунаева
*кандидат юридических наук, доцент,
Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ОСНОВАНИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СУДА В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ГРАЖДАН: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

В статье рассмотрено ограничение права на неприкосновенность частной жизни граждан в ходе уголовного судопроизводства. На основании анализа уголовно-процессуального законодательства выявлены законные способы ограничения права на неприкосновенность частной жизни: производство следственных действий, связанных с проникновением в жилище, ограничением тайны переписки, телефонных и иных переговоров, и непосредственное получение указанной информации от граждан. В статье показано, что закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации основания ограничения неприкосновенности частной жизни граждан сформулированы недостаточно конкретно, что приводит к их неоднозначному толкованию на практике. Проанализированы изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме. Предложено закрепить в УПК РФ в качестве фактических оснований производства следственных действий, ограничивающих данное право, исключительно доказательства, а в качестве юридических – наличие возбужденного уголовного дела, мотивированное ходатайство следователя (дознателя) и решение суда (судьи). В связи с тем что большинство норм, регламентирующих основания и порядок получения сведений, составляющих профессиональную тайну, содержится в отраслевом законодательстве, внесено предложение регламентировать фактические и юридические основания получения конфиденциальной информации в УПК РФ, установив тем самым единый порядок в отношении различных видов профессиональной тайны (врачебной, нотариальной, тайны записи актов гражданского состояния и т.д.). Юридическими основаниями получения сведений, составляющих профессиональную тайну, должны быть наличие возбужденного уголовного дела и мотивированное постановление следователя (дознателя), подтверждающее необходимость получения указанных сведений. Получение от граждан информации об их частной жизни также должно быть возможным только в рамках возбужденного уголовного дела и при условии, что эти сведения действительно необходимы для реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; защита прав личности; неприкосновенность частной жизни; неприкосновенность жилища; профессиональная тайна; личная тайна; следственные действия; доказательства.

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

I.V. Smol'kova

*Doctor of Law, Professor,
Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

M.S. Dunaeva

*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

REASONS FOR INVASION OF PRIVACY BY LAW-ENFORCEMENT AGENCIES AND COURT: CRIMINAL PROCEDURAL ASPECT

The paper presents privacy right restriction in terms of criminal process. Having analyzed criminal procedural legislation, the authors define legal ways of privacy right restriction: investigative actions involving home-invasion, privacy of correspondence abridgement and information received from people directly. The authors state that provided by the Criminal-procedural Code of the Russian Federation reasons for invasion of privacy are not specified and therefore lead to ambiguous interpretations. Related changes in criminal-procedural legislation are analyzed. The authors suggest developing the Criminal-procedural Code of the Russian Federation in terms of reasons for invasion of privacy: evidence is suggested as an actual reason and initiated case, investigator's request and Court decision as legal reason for the invasion. Since most of regulations related to reasons for and order of professional secrecy information receiving are provided by sectoral legislation, the authors suggest actual and legal reasons for confidential information receiving to be provided by the Criminal-procedural Code of the Russian Federation. Therefore a uniform approach to professional secrecy will be developed. Legal reasons for professional secrecy information receiving are initiated case and investigator's order confirming necessity for such information. Information provided by citizens on their private life can only be received in terms of Initiated criminal case and if this information is necessary for criminal process.

Key words: criminal procedure; human rights protection; privacy right; inviolability of residence; professional secrecy; personal secret; investigative action; evidence.

В ходе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела следователь, дознаватель, судья постоянно оказываются перед непростым выбором: что предпочтительнее – принудить человека к раскрытию определенных сторон его частной жизни, сорвать покровы с его личных тайн или сохранить эти тайны неприкосновенными, тем самым защищая личность даже вопреки интересам установления истины по делу?

К сожалению, в правоприменительной практике нередки случаи необоснованного вмешательства правоохранительных органов и суда в частную жизнь граждан. Одной из основных причин такого положения вещей является то, что в законодательстве не всегда достаточно ясно и конкретно сформулированы основания производства процессуальных

действий, ограничивающих право на частную жизнь. Вместе с тем максимально четкое их определение представляет не только теоретический интерес, это важнейшая гарантия соблюдения прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

Рассмотрение оснований ограничения права граждан на неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе следует начать с ответа на вопрос о том, какими законными способами следственные и судебные органы могут вмешиваться в частную жизнь человека.

Во-первых, право на неприкосновенность частной жизни серьезно ограничивается в ходе следственных действий, связанных с проникновением в жилище, ограничением тайны переписки, телефонных и иных переговоров. В этих случаях следователь непосредственно

воспринимает информацию, содержащуюся в письмах, личных бумагах, фонограммах и т.п.

Во-вторых, информация о частной жизни может быть получена от граждан – носителей соответствующей информации: тех, кого она непосредственно касается, и тех, кому соответствующие сведения были доверены (адвокаты, нотариусы, священнослужители, врачи и т.д.).

В соответствии с ч. 8 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещается требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо его воли, если иное не предусмотрено федеральными законами [11]. Одним из таких законов является Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ), который, к сожалению, не содержит ни общих условий, ни универсального порядка предоставления таких сведений.

Информация частного характера может быть как получена органами уголовного преследования и судом непосредственно – в ходе следственных действий, так и предоставлена им участниками уголовного судопроизводства, иными лицами, органами государственной власти и организациями.

По общему правилу основное юридическое условие правомерности любого следственного действия – возбуждение уголовного дела. Следовательно, вынесенное в соответствии с законом постановление о возбуждении уголовного дела свидетельствует о наличии признаков преступления и делает возможным применение процессуального принуждения для собирания сведений о частной жизни.

Однако в последнее время из этого правила сделано столько исключений, что его уже сложно считать правилом. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» официально закреплена возможность собирания доказательств (а значит, и информации о частной жизни граждан) до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщений о преступлениях, расширены возможности органов уголовного преследования в данной сфере [14]. По сути, доследственная проверка в ее современном виде подменя-

ет собой расследование дела, что отнюдь не способствует эффективной защите прав личности: уровень процессуальных гарантий на этом, начальном, этапе значительно ниже, чем на последующих стадиях.

Вместе с тем следственные действия, в наибольшей степени затрагивающие право гражданина на неприкосновенность частной жизни, по-прежнему могут быть произведены только после возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, к их числу следует отнести обыск и выемку в жилище (ст. 182, 183 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Конечно, сведения частного характера могут быть получены и другими способами (например, при допросе, наложении ареста на имущество и т.п.), но именно перечисленные следственные действия дают возможность правоохранительным и судебным органам получить максимум информации о самых интимных сторонах жизни человека, которые он не хотел бы выставлять напоказ, наиболее существенно вторгаться в тайны его частной жизни.

Действующий УПК РФ не содержит единых оснований производства следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность частной жизни. Так, основанием для проведения обыска является «наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» (выделено нами. – Авт.) (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Выемка производится *при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся* (ч. 1 ст. 183 УПК РФ). Фактическим основанием для ареста почтово-телеграфной корреспонденции и контроля телефонных переговоров выступает «наличие достаточных оснований полагать», что в почтовых отправлениях и телефонных переговорах соответственно могут содержаться сведения, имеющие значение для дела (ч. 1 ст. 185, ч. 1 ст. 186 УПК РФ).

Последнюю формулировку вообще трудно признать удачной. Во-первых, законодателю

не удалось избежать тавтологии: слово «основание» в интересующем нас значении – «причина, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь» [5, с. 463], поэтому столь любимое отечественным законодателем выражение «достаточное основание» является, строго говоря, некорректным.

Во-вторых, такая формулировка не дает представления о характере этих «оснований», их информационной природе, что позволяет подменять конкретные фактические данные (доказательства) догадками и предположениями.

В-третьих, совершенно непонятна логика законодателя, который применительно к обыску использует термин «достаточные данные», а при регламентации иных следственных действий отказывается от него в пользу «достаточных оснований».

Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ УПК РФ был дополнен ст. 1861 «Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами» [12]. К сожалению, приходится признать, что качество законодательной техники со временем ничуть не улучшилось: были допущены очевидные пробелы и неточности, которые так и не были устранены за три года, в течение которых действует данная норма.

Формулируя основания производства этого следственного действия, законодатель пошел по самому простому пути, практически полностью продублировав соответствующие положения ст. 185 и 186 УПК РФ. Как совершенно справедливо отмечает А.Ю. Шапошников, требование о «наличии неких достаточных оснований в виде совокупности данных, позволяющих выдвинуть обоснованное предположение о том, что организация, осуществляющая услуги связи, обладает указанной информацией, на деле не дает ни малейшего представления ни об основаниях, ни о самих данных» [18, с. 42].

Удивительно, но в перечень данных, подлежащих отражению в ходатайстве, направляемом в суд для получения разрешения на производство данного следственного действия, по какой-то причине не попали сведения о самом абоненте (Ф. И. О. лица, информация о соединениях которого интересует следствие) и абонентском устройстве (абонентский номер, IMEI (International Mobile Equipment Identifier) – международный идентификатор

мобильного оборудования, позволяющий идентифицировать абонента и его оборудование) [3, с. 39–40]. С точки зрения законодателя, в ходатайстве не обязательно указывать и то, какие именно сведения из разнообразного массива информации, которым располагает оператор связи, должны быть переданы органу расследования.

Недостаточно четко сформулированные фактические основания производства следственных действий – одна из причин неоднозначного решения учеными-процессуалистами вопроса о характере данных, обосновывающих принятие решений в ходе уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной литературе высказана точка зрения, в соответствии с которой основаниями принятия процессуальных решений являются предположения (суждения) [17, с. 216]. Такая позиция представляется спорной. Конечно, при принятии решений имеет место субъективная оценка установленных фактов, но следователю необходимо сначала получить эти данные, а затем, опираясь на фактические данные, а не на догадки, вынести соответствующее постановление.

Ряд авторов полагают, что основанием производства следственных действий, ограничивающих право на неприкосновенность частной жизни, служит наличие доказательств, подтверждающих необходимость производства конкретного следственного действия [19, с. 252]. Считаем, что такая точка зрения также недостаточно обоснована. Если бы законодатель имел в виду доказательства, он не использовал бы понятие «фактические данные». Например, в ст. 171 УПК РФ основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого названо наличие достаточных *доказательств*, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления. Любые доказательства по своей природе – фактические данные, но не всякие данные могут быть признаны доказательствами.

На наш взгляд, было бы правильно закрепить в УПК РФ в качестве оснований следственных действий, вторгающихся в частную жизнь, именно доказательства. Как справедливо отмечает Г.П. Ивлиев, «вряд ли будет морально обоснованным, справедливым решение о применении меры процессуального принуждения, которое выносится на основании данных, полученных не в процессе до-

казывания. Тем самым могут нарушаться... гарантированные Конституцией РФ права граждан...» [4, с. 75].

Вместе с тем необходимо отметить, что предлагаемые изменения в УПК РФ не решат проблему полностью. Многие новеллы уголовно-процессуального законодательства заставляют пересмотреть устоявшиеся в уголовно-процессуальной науке взгляды на само понятие доказательств как сведений, которые содержатся в установленном законом источнике [15, с. 225]. Перечень источников (видов) доказательств сформулирован в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и является исчерпывающим: сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, не могут быть получены из других источников [16, с. 287].

Сложно понять, как с этими аксиомами доказательственного права согласуются дополнения, внесенные в УПК РФ указанным ранее Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. В соответствии с ч. 1² ст. 144 УПК РФ сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения требований ст. 75, 89 УПК РФ. Начнем с того, что ст. 75 УПК РФ не содержит никаких конкретных требований, предъявляемых к доказательствам, лишь общее положение о «соответствии требованиям настоящего Кодекса». Логично предположить, что этими требованиями в данном случае являются прежде всего нормы гл. 10, 11 УПК РФ, посвященные доказательствам и процессу доказывания. Вместе с тем именно эти нормы и нарушаются: подобные источники сведений не названы в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и, соответственно, в качестве доказательств признаваться не должны (показания участников процесса, протоколы следственных действий и т.п.). Что касается ст. 89 УПК РФ, то она сформулирована аналогичным образом, только применительно к результатам ОРД, и опять же отсылает правоприменителя к «требованиям настоящего Кодекса»: круг замкнулся, законодатель противоречит сам себе.

Изложенное в полной мере относится и к новому для отечественного уголовного судопроизводства институту дознания в сокращенной форме, включенному в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Данная форма предварительного расследования предусматривает использование в ка-

честве доказательств объяснений граждан и иных материалов проверки сообщений о преступлениях (ст. 226⁵ УПК РФ).

Если такие сведения приобрели доказательственное значение (что само по себе является неоднозначным решением законодателя), то необходимо внесение соответствующих дополнений в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а также регламентация процессуальной формы новых доказательств в нормах гл. 10 УПК РФ. В противном случае теряет смысл само понятие «допустимость доказательств», а законность принимаемых по делу решений оказывается под большим вопросом. Перечень доказательств должен быть ясным и четким, не допускать расширительного толкования. Только в таком качестве доказательства могут служить фактическим основанием производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе и право на неприкосновенность частной жизни.

Переходя к рассмотрению юридических оснований получения информации о частной жизни граждан, прежде всего следует отметить, что для производства следственных действий, ограничивающих права, предусмотренные ст. 23, 25 Конституции РФ, существует единое юридическое основание – решение суда (судьи), принимаемое по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Как справедливо в этой связи подчеркивает А.Т. Гольцов, «превентивный контроль суда с присущими судебной процедуре гарантиями – наиболее эффективное средство защиты от произвольного или чрезмерного вмешательства в личную жизнь» [16, с. 109].

УПК РФ предусматривает и возможность проведения несанкционированного обыска и выемки в жилище без решения суда. В исключительных случаях указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения с последующим уведомлением судьи и прокурора в течение 24 часов (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Не вызывает сомнения, что у органов уголовного преследования обязательно должна быть такая возможность: в процессе расследования дела могут возникать ситуации, когда малейшее промедление сделает производство следственного действия бессмысленным.

Вместе с тем, как показывает практика применения УПК РФ, по причине неопределенности термина «исключительные» многие правоприменители излишне широко толкуют рассматриваемую норму. Впечатляют результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов, проведенного А.В. Осиповым: 52 % респондентов уверены, что основанием производства обыска в жилище без санкции суда будет являться наступление нерабочего времени суда либо ночного времени [6, с. 124]. В связи с этим следует поддержать позицию ученых-процессуалистов, полагающих, что перечень неотложных случаев следует закрепить в УПК РФ. Прежде всего это ситуации, когда промедление с производством следственного действия может повлечь за собой утрату предметов и документов, имеющих значение для дела, или сокрытие подозреваемого (обвиняемого) [2, с. 133; 6, с. 127; 7, с. 123].

УПК РФ предусматривает два способа получения данных о частной жизни непосредственно от граждан – носителей соответствующей информации: предоставление доказательств (точнее, предметов и документов) участниками процесса (по своей инициативе или по требованию следователя) и допрос. Пункт 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ наделяет правом требовать предоставления таких сведений и защитника. Никаких исключений или особого порядка в отношении документов, содержащих сведения о частной жизни, не предусмотрено.

Регламентация такого следственного действия, как допрос, также не содержит никаких особенностей получения данных от лиц, обязанных в силу своих служебных обязанностей сохранять профессиональную тайну (врача, нотариуса, работника органов ЗАГС и т.п.). Более того, за отказ от дачи показаний такой свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ на общих основаниях.

УПК РФ не предусматривает никаких процессуальных гарантий данного права в связи с получением от граждан доверенных им сведений о частной жизни иных лиц. Исключением является свидетельский иммунитет священнослужителя, предусмотренный п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Учитывая, что Конституция России гарантирует право каждого на личную и семейную тайну, такое положение вещей нельзя признать нормальным.

В то же время в различных отраслях права существует целый ряд норм, направленных на защиту личных тайн граждан, доверенных представителям определенных профессий, и регламентирующих основания и порядок предоставления частной информации органам уголовного преследования и суду.

Так, согласно п. 7 ч. 5 ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13] пациент имеет право на защиту врачебной тайны, которой полностью посвящена ст. 13 данного закона. Предоставление указанных сведений без письменного согласия гражданина допускается «по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством» (п. 3 ч. 4 ст. 13).

Кроме того, медицинские работники должны сами сообщать указанные сведения, не дожидаясь каких-либо запросов от правоохранительных органов, «в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий» (п. 5 ч. 4).

Представляется, что законодательные нормы о правовой защите врачебной тайны нуждаются в совершенствовании. Распространение сведений об интимной или семейной жизни больного может повлиять на положение человека в обществе, его репутацию, затронуть честь и достоинство, поэтому следовало бы определить в УПК РФ фактические и юридические основания получения сведений, составляющих врачебную тайну [8, с. 146; 9, с. 96].

И.Л. Петрухин предлагал закрепить в законе четыре ограничительных условия, которые препятствовали бы слишком широкому разглашению медицинских тайн в сфере уголовного судопроизводства:

– возбуждение уголовного дела как непременное условие получения сведений, составляющих медицинскую тайну;

– получение лишь тех сведений, которые имеют несомненное отношение к предмету доказывания;

– обязанность медицинских работников сообщать следователю, прокурору, суду лишь о тех преступлениях, укрывательство которых уголовно наказуемо (ст. 316 УК РФ);

– обязанность медицинских работников свидетельствовать лишь о болезни, а не о частной жизни больного [7, с. 172].

Думается, что эти предложения заслуживают внимания законодателя. Несомненно, защиты требуют и иные виды профессиональной тайны, например нотариальная тайна и тайна регистрации актов гражданского состояния.

Правовой гарантией конфиденциальности нотариальной деятельности служит ст. 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1: «Нотариусу при исполнении служебных обязанностей, а также лицам, работающим в нотариальной конторе, запрещается разглашать сведения, оглашать документы, которые стали им известны в связи с совершением нотариальных действий, в том числе и после сложения полномочий или увольнения, за исключением случаев, предусмотренных настоящими Основами» [1]. Вместе с тем данный закон также обязывает нотариуса выдавать справки о совершенных действиях по требованию суда и органов предварительного расследования в связи с находящимися в их производстве уголовными делами.

Согласно ст. 12 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» сведения, ставшие известными работнику органа ЗАГС в связи с государственной регистрацией акта гражданского состояния, являются персональными данными, относятся к категории конфиденциальной информации с ограниченным доступом и разглашению не подлежат. Однако руководитель органа ЗАГС обязан сообщить сведения о государственной регистрации акта гражданского состояния по запросу суда (судьи), органов прокуратуры, органов дознания или следствия (ч. 3 ст. 12 закона) [10].

Существенным упущением законодателя представляется отсутствие указания на то, что такой запрос возможен только по возбужденному уголовному делу. Таким образом, практически любой сотрудник правоохранительных органов может получить конфиденциальную информацию без достаточных оснований [7, с. 214].

Анализ приведенных примеров свидетельствует об отсутствии единой концепции защиты различных видов профессиональной тайны.

Во-первых, в отраслевом законодательстве прослеживаются различные подходы к определению круга субъектов, которые согласно закону могут получить доступ к соответствующей информации. В одном случае для получения сведений, составляющих профессиональную тайну, необходим запрос органов дознания, следствия и суда, в другом – требование суда, прокуратуры, органов следствия, в третьем – запрос суда (судьи), органов прокуратуры, органов дознания или следствия.

Во-вторых, установлены различные формальные основания получения конфиденциальной информации: запрос (требование) органов предварительного расследования и суда по возбужденному уголовному делу и запрос без возбуждения уголовного дела.

Принимая во внимание отмеченные противоречия, можно предложить два способа устранения коллизии между УПК РФ и отраслевыми законами:

– дополнить ст. 86 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «Истребование и использование в доказывании конфиденциальной информации должно производиться с учетом положений соответствующего закона, охраняющего профессиональную и иную тайну»;

– регламентировать фактические и формальные основания получения конфиденциальной информации в самом УПК РФ, установив тем самым единый порядок в отношении различных видов профессиональной тайны.

Первый вариант легко осуществим технически, но он не устраняет отмеченных недостатков отраслевого законодательства: противоречивости и отсутствия детально разработанной системы гарантий защиты профессиональной тайны.

Преимущество второго варианта очевидно. Наряду с необходимой в правоприменительной практике регламентацией процедурных вопросов он дает возможность установить четкие фактические основания получения органами уголовного преследования конфиденциальных данных, которые отсутствуют в отраслевом законодательстве. С учетом социальной значимости профессиональной тайны истребуемые данные по своему характеру должны быть таковы, что их несообщение сделает невозможным установление истины по делу. Вместе с тем второй вариант требует серьезной работы по унификации отрас-

левого законодательства. В противном случае неизбежны новые коллизии.

Таким образом, можно сформулировать следующие общие основания производства следственных действий, ограничивающих конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Фактическими основаниями должны быть доказательства, подтверждающие необходимость производства следственного действия. Группу формальных оснований образуют: 1) наличие возбужденного уголовного дела; 2) мотивированное ходатайство следователя (дознателя); 3) решение суда (судьи). Юридическими основаниями получения сведений, составляющих профессиональную тайну, должны быть: 1) наличие возбужденного уголовного дела;

2) мотивированное постановление следователя (дознателя), подтверждающее необходимость получения указанных данных. Фактические данные по своему характеру должны быть таковы, что их несообщение сделает невозможным решение задач уголовного судопроизводства.

Получение от граждан сведений об их частной жизни должно быть возможным только в рамках возбужденного уголовного дела и при условии, что эти данные действительно необходимы для реализации назначения уголовного судопроизводства: защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиты личности от необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
2. Дунаева М.С. Проблемы регламентации принципа неприкосновенности жилища граждан в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации / М.С. Дунаева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 6 (29). – С. 132–133.
3. Иванов А.Н. Правила получения информации о соединениях между абонентами / А.Н. Иванов // Уголовный процесс. – 2010. – № 10. – С. 38–43.
4. Ивлиев Г.П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения / Г.П. Ивлиев // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 75.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.
6. Осипов А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства / А.В. Осипов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 2-2 (74). – С. 124–128.
7. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть) / И.Л. Петрухин. – М. : Ин-т гос. и права РАН, 1998. – 232 с.
8. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. – М. : Луч, 1999. – 336 с.
9. Смолькова И.В. Тайна и уголовно-процессуальный закон / И.В. Смолькова. – М. : Луч, 1997. – 100 с.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3427.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.
15. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.
16. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. Г.М. Резника. – М. : Юрайт, 2013. – 859 с.
17. Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 1998. – 575 с.
18. Шапошников А.Ю. Ходатайство о получении информации об абонентах должно быть обоснованным / А.Ю. Шапошников // Уголовный процесс. – 2010. – № 10. – С. 42–43.
19. Якупов Р.Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / Р.Х. Якупов ; под ред. В.Н. Галузо. – М. : Зерцало, 1998. – 448 с.

REFERENCES

1. Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii – Congress of Peoples' Deputies and Supreme Soviet of the Russian Federation Bulletin, 1993, no. 10, p. 357.
2. Dunaeva M.S. Problem of inviolability of dwelling of citizens principle regulation in criminal procedural law of the Russian Federation. [Dunaeva M.S. Problemy reglamentacii principa neprikosnovennosti zhilishha grazhdan v ugovolno-processual'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – Current issues of humanities and sciences*, 2011, no. 6 (29), pp. 132–133.

3. Ivanov A.N. Rules on obtaining information on connections between subscribers. [Ivanov A.N. Pravila poluchenija informacii o soedinenijah mezhdu abonentami]. *Ugolovnyj process – Criminal process*, 2010, no. 10, pp. 38–43.
4. Ivliev G.P. Reasons and objectives of measures of procedural compulsion application. [Ivliev G.P. Osnovaniya i celi primeneniya mer processual'nogo prinuzhdenija]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 1995, no. 11, p. 75.
5. Ozhegov S.I. Russian language definition dictionary. [Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka]. Moscow, Azbukovnik, 1998, 944 p.
6. Osipov A.V. Normative model of exceptional instances when investigative proceedings allow of no delay. [Osipov A.V. Normativnaja model' iskljuchitel'nyh sluhaev, pri kotoryh proizvodstvo sledstvennyh dejstvij ne terpit otlagatel'stva]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Bulletin*, 2012, no. 2-2 (74), pp. 124–128.
7. Petruhin I.L. Personal secrets (person and power). [Petruhin I.L. Lichnye tajny (chelovek i vlast')]. Moscow, 1998, 232 p.
8. Smol'kova I.V. Issues of legally protected secret in criminal process. [Smol'kova I.V. Problemy ohranjaemoj zakonom tajny v ugolovnom processe]. Moscow, 1999, 336 p.
9. Smol'kova I.V. Secret and Criminal procedure law. [Smol'kova I.V. Tajna i ugolovno-processual'nyj zakon]. Moscow, 1997, 100 p.
10. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Official Gazette, 1997, no. 47, p. 5340.
11. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Official Gazette, 2006, no. 31 (ch. 1), p. 3448.
12. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Official Gazette, 2010, no. 27, p. 3427.
13. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Official Gazette, 2011, no. 48, p. 6724.
14. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2013, no. 9, p. 875.
15. Theory of evidence in Soviet criminal process. Edited by N.V. Zhogin. [Teorija dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe / otv. red. N.V. Zhogin]. Moscow, 1973, 736 p.
16. Criminal procedure law: educational book. Edited by G.M. Reznik. [Ugolovno-processual'noe pravo : uchebnik / pod obshh. red. G.M. Reznika]. Moscow, 2013, 859 p.
17. Criminal process: educational book. Edited by K.F. Gucenko. [Ugolovnyj process : uchebnik / pod red. K.F. Gucenko]. Moscow, 1998, 575 p.
18. Shaposhnikov A.Ju. Request for information on subscribers must be reasonable. [Shaposhnikov A.Ju. Hodatajstvo o poluchenii informacii ob abonentah dolzhno byt' obosnovannym]. *Ugolovnyj process – Criminal process*, 2010, no. 10, pp. 42–43.
19. Jakupov R.H. Criminal process: educational book. Edited by V.N. Galuzo. [Jakupov R.H. Ugolovnyj process : uchebnik dlja vuzov / pod red. V.N. Galuzo]. Moscow, 1998, 448 p.

Сведения об авторах

Смолькова Ираида Вячеславовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kupik@isea.ru.

Дунаева Марина Сергеевна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: dunaeva@sibnet.ru.

Information about authors

Smol'kova Iraida Vyacheslavovna – Head of the Criminal Process and Prosecutorial Oversight of Baikal National University of Economics and Law, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: kupik@isea.ru.

Dunaeva Marina Sergeevna – Associated Professor of the Criminal Process and Prosecutorial Oversight of Baikal National University of Economics and Law, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: dunaeva@sibnet.ru.